

«Все просто. Я знаю, как зовут вас, и когда-то давно вы знали, как зовут меня: Эйдзи Миякэ. Да, *тот самый* Эйдзи Миякэ. Мы оба — занятые люди, госпожа Като, так зачем тратить время на светскую болтовню? Я приехал в Токио, чтобы найти своего отца. Вы знаете его имя, вы знаете его адрес. И вы сообщите мне и то, и другое. Прямо *сейчас*». Или что-нибудь в этом роде. В кофейной чашке расплывается сливочная галактика, и фоновый гул голосов выплывает на передний план. Первое утро в Токио, а я уже пытаюсь прыгнуть выше головы. В кафе «Юпитер» плещется смех обедающих, шелестят планы на уик-энд, позвякивают блюда. Трутни гавкают в мобильники. Трутни женского пола изо всех сил стараются взять тоном выше, чтобы звучать более женственно. Кофе, сэндвичи с морепродуктами, моющие средства, пар. Прямо передо мной, через улицу, центральный вход в «Пан-оптикон». Мощное зрелище — этот готического вида небоскреб из циркония: верхние этажи скрываются в облаках. Крышка притерта плотно, и Токио просто варится на пару — 34 °С при влажности 86%. Так утверждает большой дисплей фирмы «Панасоник». Город так близок, что его не рассмотреть. Здесь нет расстояний. Все над головой: стоматологические кабинеты, детские сады, танцевальные студии. Даже дороги и тротуары для пешеходов встали на частокол ходуль. Венеция со спущенной водой. Отражения самолетов ползут над зеркальными зданиями. Кагосима¹ казалась мне огромной, но она легко затеряется в какой-нибудь боковой улочке

¹ Порт на острове Кюсю. (*Здесь и далее прим. перев.*)

Синдзюку¹. Я закуриваю сигарету — «Кул», та же марка, что купил какой-то байкер, стоявший в очереди впереди меня, — и смотрю на поток автомашин и прохожих на перекрестке Омэкайдо-авеню и улицы Кита. Трутни в костюмах в узкую полоску, парикмахер с пирсингом в нижней губе, успевшие надраться к полудню пьяницы, матери семейств с детишками. Ни один человек не стоит на месте. Реки, снежные бури, потоки машин, байты, поколения, тысяча лиц в минуту. Якусима² — это тысяча минут на одно лицо. И у всех этих людей — у каждого — шкатулка воспоминаний с надписью «Родители». Хорошие снимки, плохие снимки; страшные картинки; кадры, полные нежности; размытые очертания ангелов; поцарапанные негативы — неважно: они знают, кто их привел в этот мир. Акико Като, я жду. Кафе «Юпитер» — ближайшее к «Пан-оптикону» место, где можно пообедать. Вот бы вы заглянули сюда на чашку кофе с сэндвичем. Я узнаю вас, представлюсь и постараюсь убедить, что естественное право на моей стороне. Как переводятся грезы на язык реальности? Я вздыхаю. Не очень хорошо, не очень часто. Придется брать крепость штурмом, чтобы получить то, что мне нужно. Маловато шансов на успех. В огромном здании «Пан-оптикона» наверняка есть другие выходы и собственные рестораны. А может, вы уже стали императрицей и обзавелись рабами, которые подадут вам обед. И кто сказал, что вам вообще нужен обед? Может, человеческое сердце на завтрак насыщает вас до самого ужина. Я погребая окурки в останках его предшественников и принимаю решение предпринять разведку на местности, как только допью кофе. Я войду внутрь и доберусь до вас, Акико Като. В кафе «Юпитер» работают три официантки. Первая — босс — высохшая, как вдова императора, которая свела мужа в могилу своим нытьем, у второй — визгливый ослиный голос, а третья стоит ко мне спиной, но у нее — самая прекрасная шея во всем

¹ Район Токио, деловой центр.

² Небольшой остров у южной оконечности острова Кюсю.

мироздании. Вдова рассказывает Ослице о недавно распавшемся браке своего парикмахера:

— Когда жена перестает удовлетворять его запросам, он вышвыривает ее за дверь.

Официантка с безупречной шеей отбивает пожизненный приговор у мойки. Вдова ли с Ослицей ее избегают, она ли избегает их? Этаж за этажом «Пан-оптикон» исчезает из виду — облака спустились до восемнадцатого. И продолжают спускаться, но я уже не смотрю. На бумажной салфетке я высчитываю количество прожитых мною дней — 7290, включая четыре високосных года. На циферблате без пяти час — трутни потоком хлынули из кафе «Юпитер». Наверно, боятся, что будут подвергнуты реструктуризации, если час дня застанет их вне залитых флюоресцентным светом сот. Моя пустая чашка стоит, окруженная лужицами пролитого кофе. Итак. Когда маленькая стрелка дойдет до единицы, я войду в «Пан-оптикон». Признаюсь, я волнуюсь. И хорошо, что волнуюсь. В прошлом году в нашу школу приезжал офицер вербовать новобранцев для сил обороны. Он говорил, что ни одному военному подразделению не нужны люди, не восприимчивые к страху, — солдаты, которые не испытывают страха, погибают всем взводом в первые пять минут сражения. Хороший солдат контролирует свой страх и использует его, чтобы обострить чувства. Еще кофе? Нет. Еще одну сигарету, чтобы обострить чувства.

Стрелка часов доходит до половины второго — крайний срок давно истек. Пепельница переполнена. Я встряхиваю пачку сигарет — выкурю последнюю. Облака спустились до девятого этажа «Пан-оптикона». Акико Като вглядывается в туман из окна своего шикарного офиса с кондиционированным воздухом. Чувствует ли она мое присутствие, как я чувствую ее? Кажется ли ей, что сегодняшней день изменит чью-то судьбу? Еще одна — последняя, последняя, последняя сигарета; потом — на штурм, иначе из «нервного» я превращусь в «бесхребет-

ного». Когда я пришел, в кафе «Юпитер» был один старик. Он так и сидит, не в силах оторваться от своего «видбоя». Вылитый Лао-Цзы¹ из школьного учебника — с голым черепом, сморщенный, как орех, бородатый. Другие посетители входят, заказывают, пьют, едят и уходят — и все за несколько минут. А Лао-Цзы все сидит. Ему что минуты, что десятилетия. Официантки, наверно, думают, что моя девушка меня динамит или что я псих и поджигаю кого-нибудь из них — тащиться хвостом до дому, сжимая в кармане нож. Звучит ресторанный вариант «Imagine»² — Джон Леннон от ужаса переворачивается в гробу. Слушать противно до невозможности. Записывать такое — просто предательство; наверняка даже те, кто делал это, понимали: творят мерзость. Входят две беременные женщины и заказывают лимонный чай со льдом. Лао-Цзы сотрясает приступ кашля, и он рукавом стирает с экрана мокроту. Я глубоко затягиваюсь и выпускаю дым через ноздри. Токио нужно хорошее наводнение, чтобы его отмыть. Гондольеры с мандолинами, плывущие по Гиндзе³.

— Заметь себе, — продолжает Вдова, обращаясь к Ослице, — все его жены такие прилипчивые и жеманные создания, что вполне заслуживают своей участи. Когда соберешься замуж, выбирай мужа так, чтобы его мечты точно совпали по размеру с твоими.

Потягиваю кофейную пенку. На ободке чашки — следы губной помады. Подыскиваю прецедент, чтобы доказать, что касаться губами этой стороны чашки — значит целовать незнакомку. Это бы повысило количество целованных мною девушек до трех, что все равно ниже среднестатистического уровня. Оглядываю кафе «Юпитер» в поисках претендентки на поцелуй и останавливаюсь на официантке с сильной, мудрой лунно-белой шеей, изгиб которой напоминает гриф скрипки. Ее щекочет прядка, выпавшая из прически. Сравниваю цвет

¹ Древнекитайский мыслитель, основоположник даосизма.

² Песня Джона Леннона, 1971 год.

³ Фешенебельный район Токио, торговый центр.

помады на чашке с цветом ее губной помады. И то и другое — оттенка фуксии. Случайное совпадение, не более. Кто знает, сколько раз эту чашку мыли, растворяя атомы помады в молекулах фарфора? Кроме того, у такой очаровательной девушки, живущей в Токио, наверняка столько поклонников, что их именами можно заполнить карманный компьютер. В возбуждении дела отказано. Лао-Цзы ворчит в свой «видбой»:

— Проклятые биоборги. И так каждый раз, будь они прокляты!

Я допиваю гущу и надеваю бейсболку. Пора идти на поиски родителя.

Холл «Пан-оптикона», огромный, как чрево камня-кита, заглатывает меня целиком. В пол вмонтированы сенсорные указатели; повинаясь им, иду к свободной пропускной кабинке. За спиной с шипением закрывается дверь, и я запечатан в глухой темноте. Сканер просвечивает меня с головы до ног, распознавая штрихкод на идентификационной табличке. Загорается желтая подсветка — я вижу свое отражение. Вот он я. Комбинезон, бейсболка, чемоданчик с инструментами и прикрепленная к комбинезону табличка. Передо мной вспыхивает экран, на нем появляется ледяная дева. Она безупречно, симметрично красива. «ОХРАНА» — написано на значке ее лацкана.

— Назовите свое имя, — произносит она, — и род занятий.

Интересно, насколько она человек. В наши дни компьютеры обретают облик людей, а люди уподобляются компьютерам. Я разыгрываю деревенщину, которого обуял благоговейный страх.

— День добрый. Меня зовут Рэн Согабэ. Я — Друг золотых рыбок.

Она хмурится. Отлично. Она всего лишь человек.

— Друг золотых рыбок?

— Видали нашу рекламу? — Я напеваю: — «Мы делаем все для своих друзей...»

— Зачем вы идете в «Пан-оптикон»?

Изображаю недоумение.

— Я обслуживаю аквариум фирмы «Осуги и Косуги».

— «Осуги и *Босуги*».

Проверяю, на месте ли табличка.

— Вот мой значок.

— Сканер обнаружил в вашем чемодане странные предметы.

— Только что получены из Германии. Позвольте продемонстрировать вам ионную пушку для уничтожения частиц фтор-углерода — без сомнения, вам известно, насколько важна рН-стабильность для поддержания благоприятной среды в аквариуме. Мы — первая из компаний, занимающихся аквакультурами в нашей стране, кто взял на вооружение это маленькое чудо. Могу предложить вам краткую...

— Положите правую руку на сканер доступа, господин Согабэ.

— Я полагаю, будет щекотно?

— Вы положили левую руку.

— Прошу прощения.

Проходит целая вечность, и зажигается зеленая надпись: «АВТОРИЗОВАНО».

— Ваш код доступа?

Ее бдительность неусыпна. Я закатываю глаза.

— Дайте вспомнить: триста тринадцать — шестьсот тридцать шесть — девятьсот шестьдесят девять.

Взгляд Ледяной девы вспыхивает.

— Код доступа действителен...

Он и должен быть действителен. За эти девять цифр я отвалил целое состояние лучшему независимому хакеру Токио.

— ...до конца июля. Должна вам напомнить, что уже август.

Скряги, задницы, хакеры дерьмовые!

— Как интересно...

Почесываю в паху, чтобы выиграть время.

— Этот код мне дала госпожа... — кидаю страдальческий взгляд на свою табличку, — Акико Като, адвокат из «Осуги и Косуги».

— *Босуги.*

— Как вам угодно. Хорошо. Если мой код недействителен, я, естественно, не могу войти, так? Жаль. Если госпожа Като захочет узнать, почему ее бесценные окинавские серебристые погибли в результате отравления собственными экскрементами, я направляю ее к вам. Как, вы сказали, ваше имя?

Ледяная дева суровее. С такими усердными экземплярами легко блефовать.

— Возвращайтесь завтра, когда обновите код доступа.

Я качаю головой.

— Исключено! Да вы знаете, сколько рыбок на мне висит? Раньше у нас был более свободный график, но с тех пор как за компанию взялись профессиональные менеджеры, мы должны управляться минута в минуту. Один пропущенный заказ, и наши маленькие друзья наглотаются фосфатов. Вот мы сейчас с вами болтаем о пустяках, а девяносто рыбок-ангелов в здании столичной мэрии находятся на грани асфиксии. Ничего не имею лично против вас, но вынужден настаивать на том, чтобы узнать ваше имя — для официального заявления об отказе от ответственности. — Я выдерживаю драматическую паузу.

Ледяная дева вспыхивает.

Я смягчаюсь:

— Позвоните секретарше госпожи Като, она подтвердит, что мне назначено.

— Я уже позвонила.

Теперь моя очередь поволноваться. Если этот хакер еще и с псевдонимом ошибся, я по уши в дерьме.

— Но вам назначено на завтра.

— Верно. Совершенно верно. Мне было назначено на завтра. Но вчера вечером Министерство рыбнадзора выпустило предупреждение, которое касается всех занятых в этом бизнесе. С Тайваня получена зараженная, э-э-э, эболой партия серебристых рыбок, началась эпидемия.